

Пролог

Любой мир, в каком бы времени и пространстве он ни находился, всегда одинаков и предсказуем. Тень борется со светом, а свет — с тенью. В этом нет ничего необычного и ужасного, потому что таков естественный порядок вещей в природе. Но в этом вечном противостоянии присутствует еще и третий противник — абсолютная всепоглощающая тьма, которая сильнее двух других сторон, вместе взятых, и при случае могла бы легко поглотить их, однако в силу своей хаотической нестабильной природы она постоянно вступает в конфликт не только с двумя этими противоборствующими началами, но и сама с собой. И это не позволяет тьме не только добиться подавляющего превосходства — ей подчас с трудом удается удержать ранее завоеванные позиции.

Однако что есть мир без противостояния?

Ничто.

Пустая оболочка без смысла и содержания.

Боги решают свои проблемы, смертные, копошащиеся у их ног, — свои. Колесо истории безостановочно крутится, пытаясь достичь невозможного: обогнать себя же. И по большому счету

никому нет дела ни до чего на свете, кроме собственных, порой сумасшедших, устремлений. Поэтому одни безумцы верят в силу оружия, другие — в разум, третьи — в магов или героев, которые придут и спасут их от всех возможных и невозможных напастей.

И вот про этих-то самых героев при случае слагают легенды и мифы, которые еще долго живут в памяти людей.

Однако в конечном итоге и это проходит. Покрываются тленом забвения былые подвиги, и на смену им после заката солнца выползает все та же вечная, абсолютная, ничем не разбавленная тьма беспомысленности. В бездонном чреве которой хранятся только смутные обрывки воспоминаний о тех немногих, чья кровь еще при жизни сменила цвет с пронзительно красного на пепельно-серый.

Память о тех, кто вовсе не был героем в буквальном смысле этого слова...

В общей сложности нас было около пяти тысяч. Люди племени Сави, охотники и земледельцы, поселившиеся в долине, которая со всех сторон окружена горами — каменными монолитами, пронизывающими остроконечными пиками небесную твердь и уходящими в заоблачную даль. Туда, где живут только забытые древние боги и, может быть, души умерших предков.

Безумная жизнь, в которой люди, орки, эльфы, гоблины, гномы и прочие расы постоянно воевали между собой, чтобы решить извечный неразрешимый спор: кому должна принадлежать власть

ЦВЕТ КРОВИ — СЕРЫЙ

в подлунном мире, — вся эта жизнь была слишком далека от нашего поселения и никак не влияла на наше существование. Были четко обозначенные горами границы, дальше которых не заходили мы и которые не могли преодолеть все остальные, поэтому ничто не нарушало спокойной, размеренной жизни нашего племени. До тех пор, пока однажды утром двадцатитысячный экспедиционный корпус армии генерала Тиссена, стремительно форсировав неприступные, как нам казалось, горы, не окружил со всех сторон нашу цветущую долину. Легкость, с которой войска совершили невозможное, объяснялась достаточно просто. В своем большинстве группировка противника состояла из имуров — людей-кошек, для которых преодоление подобных поднебесных препятствий было едва ли не детской забавой...

Только что жизнь была ключом, а мир казался прекрасным и удивительным — и вот все неожиданно изменилось. Солнечный свет погас, мышеловка захлопнулась, и теперь нам оставалось только одно — обильно пропитать своей и вражеской кровью только-только заколосившиеся весенние поля. После чего небольшому племени Сави было суждено навсегда исчезнуть из памяти этого злого, равнодушного ко всему мира.

Глава 1

Когда тебе всего двадцать пять, на дворе весна и до этого дня жизнь казалась нескончаемо долгой и прекрасной, особенно тяжело решиться на выбор, определяющий жизнь или смерть пяти тысяч человек, чуть ли не каждого из которых знаешь с детства.

Мой отец, вождь племени Сави, отправился неделю назад в путешествие, цель которого даже для меня так и осталась до конца не ясной. Может быть, ветер странствий посетил его седую голову или какие-то другие причины заставили отправиться в путь, но, как бы то ни было, отец ушел, взяв с собой несколько лучших следопытов и сказав, что вернется через два-три месяца. Так как я был единственным сыном правителя, то на время его отсутствия вся полнота власти (а власть эта состояла по большей части в решении мелких бытовых конфликтов) легла на мои плечи. Задача была не слишком обременительной, поэтому для меня не составляло особого труда справедливо править моим небольшим народом... Вплоть до утра того черного дня.

Словно стая прожорливой саранчи, лавина имуров заполонила долину, взяв в плотное кольцо наше небольшое поселение. Войска почему-то не

пошли на штурм сразу, оцепив нас по периметру и встав походным лагерем неподалеку. Это позволило нам хоть как-то подготовиться к обороне, образовав в центре деревни кольцо баррикад из телег, бочек и прочей хозяйственной утвари. Преграда скорее психологическая, нежели по-настоящему действенная, особенно если учесть, что внутри «бастиона» кроме мужчин-охотников находилось и все остальное население деревни, совершенно непригодное к ведению боевых действий. Что ж, при всей своей хрупкости эти нелепые баррикады были все же лучше, чем ничего.

Однако и я, и большинство взрослых мужчин нашего племени прекрасно осознавали простую истину: это ограждение ровным счетом ничего не меняет, будучи скорее самообманом для людей, ставших отныне живыми мертвецами.

Мы все еще двигались, что-то делали, готовились к битве, может быть, боялись, надеялись и молились. Но все было напрасно.

Имея за спиной три тысячи стариков, женщин и детей, пара тысяч взрослых мужчин, пусть даже половина из них — прекрасные охотники, никогда не отобьется за жалкими баррикадами от десятикратно превосходящей группировки жестоких и свирепых воинов. Которые к тому же не люди, а более сильные и выносливые имуры.

Роли в бесчестной игре были распределены заранее, и нам в ближайшем будущем предстояло умереть. Пожалуй, самым горьким было то, что обреченные на смерть люди понимали: ничто уже не может изменить predetermined расклад.

Ко мне подбежал мальчишка-посыльный.

— Т-там парламентареры.— Его голос срывался от волнения.— Такие большие, н-необычные, в-волосатые и с хв-восттами.— Он начал слегка заикаться от страха.

— Где — там?

— Н-на южной стороне баррикад... У н-них вот такие шлемы.— Он сделал в воздухе неопределенный жест рукой.— И... и кривые сабли.

В карих глазах маленького сорванца холодный ужас смешивался с горячим любопытством. Разум ребенка не мог до конца осознать, что, может быть, всего через несколько минут эти самые кривые сабли обрушатся и на его голову.

— Пойдем, покажешь,— коротко приказал я и, не дожидаясь ответа, зашагал к южной стороне укреплений.

Мальчишка быстро засеменял в том направлении. Через несколько минут мы достигли границы баррикад. Оттуда открывался вид на узкую улочку, где нас действительно поджидала делегация парламентареров.

Их было трое. Все имуры. Вооружены, но спокойны. Что ж, имея за спиной поддержку в двадцать тысяч сабель, спокойным быть нетрудно.

Хотя... Переговоры ведь вещь специфическая — не всегда они заканчиваются к взаимному удовольствию сторон. Поэтому остается вероятность, что парламентар может не вернуться в свой лагерь. Отрубленная голова, насаженная на пику, нагляднее всяких слов свидетельствует о том, что в лагере осажденных идти на компромисс никто не собирается.

В нашем безнадежном положении было бы естественно поступить именно таким образом — убить всех троих. Ибо лучшее, что они нам могли предложить, — это сдаться на милость победителей и попасть в вечное рабство. Каменные шахты или подземные рудники, где добываются драгоценные камни и магические кристаллы, не те места, ради которых стоит жить. Лучше быстро и легко умереть в жарком бою, чем долго и мучительно гнить заживо в этих проклятых богом и людьми местах.

Определенно положение у парламентаров было не самым хорошим, однако они не выказывали никаких признаков волнения, как будто были заранее уверены, что затравленная и смертельно раненная дичь не посмеет ничего сделать вырвавшимся далеко вперед псам охотника.

— Давайте убьем их, — мрачно предложил кто-то из толпы.

Стоящие рядом одобрительно загудели. Идея наспиговать стрелами этих незваных пришельцев, готовых в одно мгновение уничтожить все, что составляло смысл нашего существования, понравилась всем.

Несколько человек почти синхронно достали стрелы из колчанов...

— Нет. — Мой голос прозвучал неожиданно громко. — Сначала узнаем, что им нужно, а убить успеем всегда.

Я не собирался разыгрывать ненужное благородство. Участь троих имуров была решена. Они были уже мертвецами — так же как и все мы. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне,

что прежде нужно узнать, зачем в забытое богом место, не представляющее никакой ценности ни с тактической, ни со стратегической точки зрения, пожаловала двадцатитысячная прекрасно подготовленная и оснащенная группировка. А теперь, вместо того чтобы сразу уничтожить малочисленного и плохо вооруженного противника, враги сначала дали ему время укрепиться в городе, а затем еще и вступают в переговоры.

— Пойду узнаю, что им нужно. А затем...—
Мое молчание было красноречивее всяких слов.—
На полпути назад я подниму вверх правую руку.
Это будет знаком для начала атаки.

Сказав это, я сделал шаг вперед, чтобы, миновав баррикаду, отправиться на переговоры.

— Постой.— Голос Ави, убеленного сединами охотника, прервал мое движение.— Их трое, а ты собираешься идти на встречу один. Возьми с собой еще кого-нибудь...

— Это лишнее.

В моей душе царил хаос, но, отдавая приказ, я выглядел почти спокойно и говорил тоном, не допускающим возражений.

— Трое имуров без особого труда справятся с тремя людьми-охотниками, которые владеют луками и короткими ножами, но мало что смыслят в искусстве битвы на мечах.

— Мне лучше пойти одному,— повторил я, убеждая не столько столпившихся вокруг людей, сколько самого себя, и, не дожидаясь ответа, отправился на переговоры.

Это было очень необычное чувство — идти по улице города, знакомого с детства, под присталь-

ным взглядом молчащей толпы и чувствовать себя пробирающимся по тонкому льду, готовому треснуть в любой момент.

Сердце учащенно бьется, готовое птицей вырваться из груди, а мысли несутся галопом, словно табун обезумевших скакунов, и начинает казаться, что все происходит во сне. Стоит совершить небольшое усилие — и ты проснешься. Кошмар растворится в прохладе раннего утра, и набирающий силу рассвет подарит еще один долгий и счастливый день...

Но это был не сон. Отогнав наваждение, я попытался взять себя в руки, и, как ни странно, это удалось. Стоит только смириться с неизбежным, как все в жизни становится куда проще.

«Сегодня ты умрешь», — сказал я себе и тут же почувствовал себя спокойнее. Все когда-нибудь умирают — кто раньше, кто позже. Поэтому не важно, *когда* ты умрешь. Важно — *как*. Достойно, как воин, или позорно, как трус.

Призрачная надежда, питающая сердце, подобна медленному яду — она делает человека слабее. После того как у меня не осталось надежды, а значит, нечего было и бояться, уже ничто не могло поколебать мою решимость.

Зато знание, что эти трое имуров умрут раньше всех нас, доставляло ни с чем не сравнимое удовлетворение, так что, подходя к парламентам, я не удержался от широкой искренней улыбки — это был одновременно и салют, и насмешка над мертвецами.

Стоявший посередине имур был ростом чуть ниже своих спутников. Хотя он (как и остальные

двое) был одет в кольчугу и носил на поясе короткий кривой меч, все-таки он не был воином.

Я не мог бы объяснить, почему так решил, пока не увидел его глаза — черные, глубокие, непостижимо загадочные, пронизанные каплями серебряного дождя и светом далеких солнц. Встретившись с ним взглядом и на мгновение заглянув за грань неведомого, я все понял. Существо с такими глазами просто не могло быть обычным воином. Это был либо маг, либо шаман, либо один из верховных жрецов, либо...

«А впрочем, — подумал я, — к чему гадать: кем бы он ни был, это не имеет никакого значения».

— Ты ведь приказал своим людям убить нас, как только закончатся переговоры? — вместо обычного в таких случаях приветствия спросил он меня.

— Да, — абсолютно спокойно ответил я и в очередной раз улыбнулся.

Это была не та ситуация, когда ложь может что-то изменить. Поэтому, ничуть не удивившись его пронизательности, я решился на непозволительную в обычном случае роскошь — сказать правду врагу.

Его телохранители чуть заметно напряглись — только и всего. Никаких необдуманных движений, волнения или паники — настоящие профессионалы.

Я повернул голову к более высокому воину, лоб которого пересекал длинный безобразный шрам, и продолжил:

— А тебе, мой пушистый друг (имуры очень болезненно относятся к сравнению с кошками),

не удастся спасти господина, заслонив его собственным телом.— Я находился в превосходном расположении духа.— Даже не думай об этом. Может быть, ты не знал, но мои люди — первоклассные охотники. Попасть с трех десятков шагов в глаз мелкой дичи не составляет для них особого труда. А у вас, имуров, хоть вы и носите пушистые хвосты — я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться вслух,— размеры все же чуть больше, чем у маленьких симпатичных белочек.

Думаю, я не смог бы уловить движение оружия, если бы парламентар вдруг решил покарать наглеца. В обычной обстановке подобные речи — когда оскорбляют не отдельного представителя рода, а всю расу в целом — немедленно караются смертью. Но сейчас была не обычная обстановка, и этим странным созданиям, судя по всему, что-то было нужно от нашего небольшого племени, поэтому на мою реплику никак не прореагировали.

— Ну, раз никаких недомолвок не осталось,— как ни в чем не бывало продолжил предводитель парламентаров,— тогда позвольте узнать, с кем имею честь беседовать.

Вопрос был настолько странным, что на мгновение поставил меня в тупик.

— А что, разве это так важно? — спросил я после паузы.

— Разумеется,— очень мягко, можно даже сказать, ласково, по-отечески ответил он.— Мы уполномочены вести переговоры только с совершенно определенным человеком.— Если ваше имя не совпадет с тем, которое написано на этом перга-

менте, — он поднял вверх руку со свитком, скрепленным странной светящейся печатью, — мы немедленно убьем вас и все ваше племя. После чего сожжем все посевы, а от города не оставим камня на камне.

— Очень интересно. — Я продолжал находиться в состоянии какой-то веселой полуэйфории. — А мы-то было подумали, что вы пришли предложить нам вечный мир и торговое сотрудничество.

— Если вы назовете правильное имя, то все так и будет, — уверил меня он.

«Этот проклятый шаман лжет, чтобы заронить в мое сердце искру надежды и сделать меня уязвимым, — подумал я. — Нет, в такие игры мы играть не будем».

— А какое конкретно имя вас интересует? Обычное или тайное, данное матерью при рождении?

— Совершенно безразлично, — последовал лаконичный ответ.

— Но в таком случае я могу его просто придумать!

— Почему нет? — Он равнодушно пожал плечами. — Это ваше полное право.

— А если я произнесу первое попавшееся имя, а магический свиток начертает его? Он ведь магический, я угадал?

— Молодой человек, — было видно, что этот разговор начал его утомлять, — свиток действительно магический и принадлежит одному из трех лордов Хаоса. Вы же не думаете, что огромный экспедиционный корпус преодолел немалое расстояние исключительно ради того, чтобы встре-

титься с мелким деревенским царьком забытого богом племени, а потом попытаться обжудить его с помощью фальшивого волшебства? Согласитесь, это было бы верхом глупости!

Я не нашел ничего лучшего, чем задумчиво протянуть:

— Думаю, да... Это действительно было бы верхом глупости.

— В таком случае соизвольте назвать имя, а затем мы откроем свиток и вместе посмотрим, будет ли сегодня уничтожено одно никудышное племя людишек или нет.

Наверное, не стоило ему говорить это. Расовая гордость присуща не только имурам, но и людям.

Я собрался было назвать свое истинное имя, но теперь, после этой фразы, передумал.

— Мое полное имя — Принц Хрустальный, — ответил я, с ненавистью глядя ему в глаза.

Время обмена любезностями прошло. Настал черед оросить землю кровью.

В одной старинной легенде непобедимого и неуязвимого воина-имура поразила стрела с хрустальным наконечником. С тех пор у этого племени и сам хрусталь считается табу, и даже упоминание о нем может принести несчастье.

Назвав себя подобным именем, я, по сути, плюнул в лицо собеседнику.

Телохранители заметно напряглись, уже не столько обращая внимание на меня, сколько анализируя ситуацию и прокручивая в уме всевозможные варианты того, как защитить и увести с линии огня своего господина. Война была официально объявлена, оставалось только выполнить

ни к чему не обязывающие формальности, прочитав то, что написано в свитке.

— Вы, люди, оказывается, глупее и слабее, чем я думал, — даже не пытаюсь скрыть презрение, сказал имур, одновременно ломая печать и разворачивая свиток.

Несколько бесконечно долгих мгновений парламентар недоуменно вглядывался в содержимое текста. Потом молча протянул пергамент мне.

Только два слова были написаны там, от руки, небрежным почерком. И эти два слова в корне изменили всю мою жизнь. Именно эти слова сделали из меня то, чем я являюсь; заставили меня потерять осколок души, а с ним — самого себя; превратили меня в чудовище, в проклинаемого всеми изгоя...

Хрустальный Принц.

— Мы, люди, — сказал я, быстро справившись с удивлением, — не только умнее и лучше всех остальных рас. Куда важнее другое: мир в будущем будет безраздельно принадлежать нам.

Весь трагикомизм ситуации заключался в том, что эти высокие, идущие из самого сердца слова были произнесены человеком, которому суждено было не только предать голос собственной крови, но и примкнуть к легионам Хаоса. Хаоса, темные силы которого поставили перед собой цель — стереть с лица земли и людей, и подавляющее большинство других *светлых* рас.

На обратном пути я так и не поднял руку вверх, поэтому парламентар вместе со своими двумя телохранителями смог беспрепятственно покинуть место переговоров.

За несколько минут, прошедших с тех пор, как я покинул баррикады, ситуация в корне изменилась: теперь убийство этих имуров было бы бессмысленным.

Если на переговоры я шел с легким сердцем человека, которому нечего терять, то возвращался я полный мучительных раздумий и внутренних противоречий. После того как, к немалому удивлению обеих сторон, имя на свитке совпало с первым попавшимся оскорблением, которое пришло мне на ум, все резко изменилось. Глава парламентской делегации, справившись с удивлением, представился Динксом, первым заместителем лорда Тиссена, и предложил мне на выбор всего два варианта дальнейшего развития событий. Нет, не так, как это обычно бывает — хороший и плохой. Иначе: плохой и чрезвычайно плохой.

Первый вариант подразумевал тотальное уничтожение всего города вместе с его обитателями — именно его я и называю просто «плохим», а второй... Вторым был плох чрезвычайно, потому что обязательным его условием было присягнуть на верность лордам Хаоса и, влившись в их армию, принять участие в предстоящей великой войне на стороне темных рас — орков, гоблинов, темных эльфов, имуров и других им подобных — против всего остального, светлого мира.

Никогда в истории бесконечных войн чистокровные люди не воевали на стороне Хаоса. Никогда они не сражались бок о бок с орками и гоблинами против своих же соплеменников. Никогда до такой степени не предавали самих себя.

Никогда... Никогда... Никогда...

Эти слова стучали в моей голове тяжелым набатом, пока я шел назад к своему народу: сообщить, что появился шанс спасти наших жен и детей. Спасти, заплатив невероятно высокую цену.

А цена была такова: Динкс сказал, что ему нужна ровно одна тысяча людей, включая и меня.

Тысяча — против четырех тысяч остающихся. В принципе, если беспристрастно разобраться, имур поступил по-своему великодушно. Он ведь мог потребовать и полторы тысячи. Для нас это ничего не меняло, а он, быть может, приобрел бы лишние полтысячи луков.

Такие вот невеселые мысли сопровождали меня всю обратную дорогу, и заняла эта дорога совсем немного времени. На переполненной баррикаде (едва ли не все племя собралось на узком пространстве двух улиц) меня ожидал многоголосый гомон до предела возбужденной толпы. Всем не терпелось как можно скорее узнать, почему я не отдал приказ об убийстве парламентаров. На некоторых лицах даже зажегся огонь призрачной надежды — людям свойственно всегда и везде верить в чудо.

«Ну что ж, — угрюмо подумал я, — в моих силах подарить вам надежду. Вопрос в том, понравится ли *такая* надежда кому-нибудь из вас».

— Всем без исключения собраться в центре у фонтана, — на ходу бросил я, не отвечая на многочисленные вопросы, сыпавшиеся со всех сторон.

— Мы не можем оставить посты наблюдения. — Старый опытный Ави рассуждал вполне логично, но не знал того, что было известно мне.

— Всем собраться у фонтана,— жестко приказал я и спустя секунду добавил: — На нас никто не собирается нападать!

Было хорошо видно, как почти все облегченно вздохнули. Напряжение, стальными тисками сжимавшее их разумы последние два часа, резко отпустило, и люди испытали что-то вроде кратковременного шока. Так бывает, когда палач заносит топор над приговоренным к смерти, а затем в самый последний момент убирает свое страшное оружие и говорит ничего не понимающему узнику, что казнь отменяется и он свободен.

«Узник свободен,— добавил про себя я.— Но вместо смерти ему на шею повесили едва ли не более страшное ярмо».

Размышляя подобным образом, я чисто механически дошел до фонтана, запрыгнул на небольшое возвышение и поднял руку, призывая к молчанию.

Повинуясь этому жесту, толпа затаила дыхание, так что на площади стало неестественно тихо.

— У нас есть два варианта,— без всякого вступления начал я.— Либо умереть всем до единого. Либо пойти против собственного естества. В первом случае нам даже не дадут возможности сражаться: имуры подожгут город со всех сторон огненными стрелами и либо изжарят нас, как кроликов, либо спокойно перестреляют, когда мы выскочим на открытое пространство, спасаясь от огня.

По толпе пронесся судорожный стон. Сгореть заживо намного ужаснее, чем пасть от удара милосердного меча в коротком стремительном бою.

Я выдержал короткую паузу, в течение которой они в полной мере осознали сказанное, после чего продолжил:

— Если мы выберем второй вариант, то мужчины — ровно одна тысяча — должны будут присягнуть на верность лордам Хаоса и влиться в ряды их армии, чтобы принять участие в предстоящей великой войне.

Несколько секунд над площадью царило гробовое молчание — люди пытались осмыслить мои слова, а затем поднялся глухой ропот, постепенно переросший в крикливое многоголосье до предела возбужденной толпы.

Я поднял вверх руку, в очередной раз призывая людей к тишине. И когда шум стих, продолжил:

— Выбора у нас, по сути, нет, поэтому, видимо, придется согласиться на их условия.

Недалеко от помоста, на котором я стоял, вверх взметнулась рука, почти высохшая от времени. Я узнал Эша, одного из самых старых и уважаемых людей нашей общины.

— Говори,— разрешил я.

Голос старика звучал слабо, но над площадью повисла такая напряженно-осязаемая тишина, что, думаю, не нашлось ни одного человека, который бы не услышал сказанное.

— А ты знаешь,— начал он, прокашлявшись,— что *на самом деле* означает присягнуть на верность лордам Хаоса?

— Поклясться им в верности, что же еще? — Я был удивлен самой постановкой вопроса.

— Однако обычную-то клятву ведь можно нарушить, верно?

ЦВЕТ КРОВИ — СЕРЫЙ

— Да, наверное, можно.— Мне все еще было непонятно, куда он клонит.

— Но ведь лорды Хаоса не глупцы, они прекрасно знают об этой возможности...

— И что из того?

Он в очередной раз прокашлялся, и было видно, что слова даются ему с огромным трудом.

— Они не глупцы, и им меньше всего нужно предательство в своих рядах. Поэтому...— Старик на мгновение замолчал, как бы сомневаясь, говорить или не говорить то, что ему известно.— Поэтому,— продолжил он, видимо решившись,— присягающий на верность лордам Хаоса скрепляет клятву крохотным осколком своей души. И с этих пор он даже при всем желании не сможет обратить оружие против них или как-то иначе предать своих новых хозяев.

И до этого момента на площади было очень тихо. Теперь же казалось, что здесь вообще нет ни единого человека. Все разом, как по команде, перестали дышать, затаив дыхание в напряженном внимании.

— Осколком души? — переспросил я растерянно.

— Да. Осколком души,— печальным эхом отозвался Эш.

— А по-другому никак? — Я все еще цеплялся за призрачную соломинку надежды.

— Это очень древний ритуал, проверенный веками, альтернативы ему нет.

— Но это же... Это же...— Я пребывал в полнейшей растерянности, не в силах собраться с мыслями и прийти в себя.— Это же может полностью изменить меня...

— Нет.— Старика сотряс очередной приступ кашля.— Крохотная частица твоей души, скрепленная заклятием с печатью лордов, является всего лишь залогом того, что ты не изменишь новым хозяевам. Твоя внутренняя сущность никоим образом не изменится. Пока... Пока,— печально повторил он,— ты не изменишься сам. Нельзя верно служить Хаосу, оставаясь внутри чистым и светлым.

На какое-то мгновение, поддавшись секундной слабости, я в отчаянии закрыл глаза, ясно увидев мысленным взором пепелище, над которым кружилась громадная стая воронья...

— Я не стану присягать никаким лордам, скрепляя клятву своей душой,— неожиданно закричал из толпы Лавен, пожилой землепашец, отец четверых детей.— Лучше я сгорю здесь, прямоком отправившись в ад.

— Ты и так вечно будешь гореть в аду, если на твоих глазах убьют твоих детей,— спокойно ответил Эш.— Но твоя клятва не нужна лордам. Им присягает на верность лишь принц или король. Все остальные воины, подвластные ему, автоматически становятся приверженцами Хаоса.

«Вечно гореть в аду,— повторил я про себя,— видя, как на твоих глазах убивают детей...»

У Лавена их только четверо, а под моим началом — пять тысяч. Среди которых полторы тысячи малышей и подростков.

Выбора не было.

Никакого.

Решение пришло само собой, а вместе с ним вернулось и утраченное было мужество.

— Наш народ не исчезнет с лица этого мира, — сказал я громко и жестко. — Мы пожертвуем пятой частью, но сохраним остальных. Пускай мы станем предателями и изгоями, но наши дети не сторят у нас на глазах. Пускай тысяча мужчин растворится в мутном потоке Хаоса, — продолжал я, — зато их дети вырастут и однажды смогут отомстить за своих отцов.

Ответом мне было гробовое молчание. Все понимали, что я выбрал меньшее из зол, но согласиться со мной все-таки не могли.

Впрочем, мне не нужно было их согласие. На время отсутствия отца я был верховной властью.

— Мужчины, которым от семнадцати до пятидесяти пяти лет, должны выстроиться в шеренгу и рассчитаться на первый-второй. Затем мы скинем монету, и одна из двух групп отправится со мной, а вторая останется в городе. Родственникам вставать через одного — запрещено. Только рядом, друг с другом, чтобы не случилось так, что все мужчины одной семьи ушли на войну. Обмена между группами не будет. Отец не сможет заменить собой сына и наоборот. Мне не нужно, чтобы тех, кого заменят, до конца их дней преследовало чувство вины...

Никто не двинулся с места. Людей как будто парализовал ужас происходящего. Они просто стояли и смотрели на меня, не делая ни малейшей попытки исполнить приказ.

Если бы я был настоящим королем — признанным лидером и авторитетом, или самым великим и отважным воином, то, возможно, силой одного только слова смог бы заставить их подчи-

ниться. Но я был практически одним из них. И лишь в силу обстоятельств был вынужден взвалить всю полноту ответственности на свои плечи.

— Если вы не подчинитесь, — мой голос звучал устало, бесцветно, — я один пойду в лагерь имуров, лишусь части души и присягну на верность лордам Хаоса. Пускай это ничего не изменит и они все равно уничтожат наш город, но, после того как я попаду в ад, по крайней мере на моей совести не будет четырех тысяч невинно загубленных душ. Со своей стороны я сделал все, что мог.

— А тебе, Лавен, — обратился я к фермеру, — и всем остальным тоже придется отвечать только перед своей собственной душой и совестью за то, что вы позволили убить ваших детей.

После этих слов все как будто очнулись от транса. Толпа зашумела, заволновалась, гневно закричала, но...

И все же они сделали все, как я приказал. Мужчины рассчитались на «первый-второй» и, разделившись на две равные группы, бросили жребий. Монета упала на решку, и для одной половины это означало продолжение жизни, а для другой послужило пропуском в ад...

А спустя еще два с половиной часа люди — тысяча человек — навсегда покинули свою родину, чтобы раствориться в вихре Хаоса, окутавшего землю. Тысяча призраков шествовала по улицам родного города — еще не мертвых, но уже и не живых — под аккомпанемент стонов и непрекращающегося плача родных и близких. Тысяча людей, которые предали все остальное человечество и Альянс светлых рас. Тысяча изгоев. Тысяча от-

ЦВЕТ КРОВИ — СЕРЫЙ

щепенцев. Тысяча обреченных, выкупивших своими жизнями и душами жизнь и свободу своего народа.

Кто мог бы осудить их за то, что они сделали? Пожалуй, никто, при условии, если бы кто-то захотел выслушать и понять наши мотивы. Но никто не мог нас услышать, и никто не хотел нас прощать — тысяча людей из племени Сави вместе со своим предводителем, Хрустальным Принцем, были отныне и навеки прокляты всеми землями и народами, поддерживавшими Альянс.

Впрочем, и силы Хаоса, под знамена которых мы встали, тоже всегда недолюбливали нас — жалких никчемных людишек. Предателей, поступившихся зовом крови. Предателей, пошедших против своих же соплеменников. Предателей, поступок которых стал притчей во языцех для всего подлунного мира. Нет, определенно даже среди своих новых союзников — орков, гоблинов, варгов, имуров и прочих — лучники племени Сави пользовались вполне заслуженным презрением.

Мы были прокляты и ненавидимы абсолютно всеми. Но, вместо того чтобы стать слабее, мы лишь еще больше сплотились. Стали если не сильнее, то по крайней мере ожесточеннее. И, может быть, именно это качество помогло тысяче лучников умереть не сразу, а продержаться чуть больше двух месяцев — достаточно короткого отрезка времени для мира и неизмеримо большого, когда речь идет о войне.

Глава 2

Война...

Нет ничего глупее и бессмысленнее, чем ожесточенное истребление одних видов живых существ другими. Уничтожение миллионов жизней, брошенных в кипящий водоворот событий по чьей-то нелепой прихоти. Но что, пожалуй, самое главное во всем этом непрекращающемся безумии: война — это не подвиги отважных рыцарей, красиво воспетые талантливыми бардами, не романтика эпических сражений и не патетика красивых слов. Война — это кровь, грязь, смерть и подавляющая, непроходящая, отупляющая усталость, усталость даже не от самих битв, а от ежедневных многочасовых марш-бросков по бескрайним равнинам Алавии — части суши, издревле контролируемой светлыми силами.

Прошло два месяца с тех пор, как мы покинули родную долину и вступили в великое противостояние рас, конечной целью которого было полное уничтожение одной из сторон. Причем это был не обычный вооруженный конфликт, какие время от времени сотрясают отдельные страны и даже континенты, это была тотальная война на истребление, конечной целью которой было не

завоевание и покорение территории противника, а его полное, повсеместное уничтожение.

Никто не знал, какими соображениями руководствовались лорды Хаоса, бросившие свои легионы на приступ Алавии, никто не знал и чем все это может кончиться, но все, от последнего солдата до самого главного полководца, планировавшего завоевательную кампанию в целом, чувствовали, что после этой ужасной войны мир уже не будет прежним. Какая бы сторона ни победила — тонкая ткань мироздания должна будет измениться. Все необратимо сдвинулось. Цели, верования, идеалы, принципы, наше сознание и даже сам мир...

Даже сам мир сдвинулся, и то, что еще вчера казалось немислимым, сегодня уже никого не удивляло.

Эльфам не было равных в стрельбе из лука, к тому же лес был их домом. Какая бы великая армия ни вторглась в необъятные просторы юго-восточных лесных массивов, занимающих пятую часть Алавии, она ничего не смогла бы сделать против призраков, бесшумно стреляющих из-за деревьев, стремительно появляющихся то в одном месте, то в другом и так же неожиданно исчезающих. Нет. Противостоять эльфам в лесах могли только ворги — огромные злобные существа, отдаленно напоминающие волков. Но их было слишком мало, чтобы решить эту проблему.

Поэтому завоеватели, будучи не в силах справиться с противником, решили взяться за дело с другой стороны — уничтожить лес.